

«октябрьской» идеологии. Беда в том, что «Октябрь» — журнал типичный. И вот, хотя вы проголосовали за снятие Ананьева, у меня не осталось особого чувства удовлетворения. Потому что: а дальше что? Ведь, собственно говоря, ничего не прекращается, ведь мы будем глотать того же самого Терца, такого же Гроссмана и ему подобных, мы будем глотать это со страниц других изданий. То есть не прозвучало какой-то обобщающей оценки нашей сегодняшней общественной, культурной ситуации. Вот только что вышел первый номер альманаха «Московский вестник». Главный редактор этого выпуска — В. Шугаев. 32 страницы убористого текста посвящены апологии Абрама Терца. И вот что пишет о «Прогулках с Пушкиным» А. Терца Г. Гачев:

«Прогулки с Пушкиным» — книжка, что как шампанское шипучее ударяет в голову и кружит — в темпе вальса и в ритме первой главы: «Евгения Онегина». И как взбеленилась на эту книгу чернь, в том числе и научно-литературоподведечная, и у нас, и за рубежом! Это про них Пушкин — в «Послании к Каверину»: «И черни презирай ревнивое роптанье...».

Так что я довожу до вашего сведения, что все вы, кто выступал здесь в защиту Пушкина, — это чернь, которую ненавидел Пушкин. А истинно континентален Пушкину, на уровне первой главы «Евгения Онегина», Абрам Терц, который «выкрестился» из русских... Так что я считаю: с уходом Ананьева у нас ничего не изменится.

Замечу, что в журнале «Звезда», в 6-м номере, были опубликованы воспоминания об Анне Ахматовой, о ее отношении к Абраму Терцу. В 65-м году она говорила: «...Мне в Париже приносили книги этого Терца. Я сказала: «Уберите от меня эту смрадную гадость... Абрам Терц — это само зло». (Аплодисменты.)

Мне кажется, что за все происходящее чинят вокруг Пушкина в ответе, в частности, Институт мировой литературы и лично директор ИМЛИ Ф. Ф. Кузнецова, который дважды брал слово, но ни разу не сказал, что чувствует вину за то, что, когда вышел этот чудовищный пасквиль Абрама Терца, с их стороны не было реакции. Я считаю, виноват и Пушкинский комитет при Союзе писателей СССР... Нам говорят о цивилизованном государстве и приводят в пример какие-то якобы цивилизованные государства; но разве мыслимо в цивилизованном государстве оскорблечение национальных святынь, даже если бы это был не Пушкин? (Аплодисменты.) И хотела бы я посмотреть на Абрама Терца, если бы он написал подобные же «прогулки» с Шолом-Алейхемом. (Аплодисменты.) Мое предложение: помимо резолюции пленуму надо принять декларацию в связи с той вакханалией, которая происходит сейчас вокруг Пушкина в прессе. Фактов очень много. Надо опубликовать в центральных газетах от имени всех, без различия национальностей, писателей России протест против пропаганды этого явления, которое Ахматова называла «само зло», против тех, кого давно заклеймил Лермонтов, — всех, жадно толпой стоящих у трона — у нынешнего трона тоже. (Аплодисменты.)

О. ШЕСТИНСКИЙ:

В болгарском журнале «Септември» за прошлый год я прочитал заметки видного болгарского писателя Коста Странджеева. Он, в частности, писал: «Во время Дней «Литературной газеты» в Пловдиве в разговоре Г. Бакланов сказал: «Жизнь научила меня тому, что писатель без власти — не писатель...». Признаться, подобная прямота вызвала у меня некоторое замешательство.

Далее О. Шестинский остановился на высказываниях в печати А. Нукина, М. Захарова, А. Иванова, Ст. Рассадина и других, где, на взгляд выступающего, заявлены оценки творчества некоторых современных писателей. Затем О. Шестинский сказал:

— Главное для русского писателя — это ответить прежде всего самому себе, что же происходит с Россией. Мы читаем, что возрождаются духовные очаги. Случай эти не столь частые, особенно если учсть, что из 70 тысяч церквей в России уцелело около 7 тысяч. Но эйфория по этому поводу нагнетается, едва ли не перерастая в ликование. Рано ликовати! Ведь при этом продолжается процесс разрушения святынь, осуждения русской земли.

О. Шестинский привел примеры осквернения и уничтожения памятников истории и культуры.

Но не только в этом боль России, сказал он. Негативное отношение к России и к русским становится фактом нашей действительности. Да, признаем, некоторые граждане категорически отрицают явление русофобии. Например, писатель А. Борщаговский считает русофобию «вымыселенной». В том же ключе, но более решительно выступает и Александр Иванов, отмечая, что есть, мол, легенда о якобы охватившей мир и страну русофобии. Да и к тому же он грозит, что тот, кто коснется этой проблемы, погрузится в «пучину мракобесия».

Но что же, несмотря на угрозы, скажу

прямо: проблема русофобии зловеще нарастает.

О. Шестинский рассказал о публикациях в грузинской газете «Заря Востока», искающих и оскверняющих русскую историю. Далее он сказал:

— Россия, ее интеллигенция всегда духовно связаны с Грузией, боль армянской трагедии стала болью всех честных людей. Надо ли об этом говорить! Но зачем же сталкивать абхазцев с русскими, чернью русских, выставляя их некими злумышленниками?

Да ведь и русские в национальных республиках (а их там около 20 миллионов) не мед пили, пирогами закусывая... Мне думается, что при трезвом и разумном взгляде русские заслуживают благодарности и сердечного отношения, — ни одна нация в великом государстве не жила так многострадально. Беды другим людям несли не русские, а система нашей жизни. И вновь вспоминаются слова Григория Яковлевича, что писатель без власти — не писатель. Нужно прислушаться к этому, ибо без реальной власти в своем литературном деле не возродить русскую культуру, национальное самосознание. И да пребудет с нами мысль Андрея Платонова из «Чевенгур»: «Русский — это человек двухстороннего действия: он может жить так и этак, и в обоих случаях остается цел». (Аплодисменты.)

В. БЕЛОВ (ВОЛОГДА):

У многих выступающих прозвучал вопрос в адрес депутатов Верховного Совета: дескать, что за депутаты, что они там делают? Не защищают интересов писателей, издательств и т. д. Откуда вы знаете, что обстановка в Верховном Совете лучше, чем в Ленинградской писательской организации? (Аплодисменты.)

Я, например, из кожи лез, чтобы сказать все, что думаю. Добраться до микрофона там не так-то просто, может быть, вы сами наблюдали. Я один раз выступил, и наши средства массовой информации не удосужились об этом сообщить. Какими-то кружными путями опубликовали мое выступление.

Когда вы обсуждаете страшные вопросы, Верховный Совет обсуждает вопрос о въезде и выезде. Вот такой самый главный законопроект возник для Верховного Совета.

(Голос из зала: «О земле когда?»)

О земле. Вы видели, что Верховный Совет проголосовал против того, чтобы в повестку дня Съезда включать этот вопрос.

(Голос из зала: «Вот так?»)

Вот так. Судите о Верховном Совете сами. Большинством голосов было отклонено обсуждение вопроса о земле на Съезде, который откроется 12 декабря.

Я хотел назвать одну цифру — Верховный Совет проголосовал за 56 миллиардов «пьяных денег» на один год. Так что давайте успевайте, бегите в буфет. 56 миллиардов мы должны выпить, чтобы наш бюджет не лопнул, как мыльный пузырь. (Шум в зале.)

Вы обсуждаете здесь состояние русского народа и состояние писательской организации. Я зачитаю два документа. Я получил приглашение от Чрезвычайного и Полномочного Посла США, вернее, от господина Мэтлок: просит пожаловать на прием-беседу с Василем Аксеновым в пятницу, 17 ноября в 18.30. И дальше целый проспект о том, кто такой Василий Аксенов. И занимается этим ни больше ни меньше как посольство великой державы. Так что же говорить про нас с вами грешных, если Василий Аксенов, этот матюкальщик и сквернослов, который публично матерится по радио, будет вести семинар в посольстве США?

Я не знаю, чем занимается сейчас Коротич, но в Америке, когда его спросили: как вы оцениваете расстановку сил в советской культуре? — Коротич сказал:

«Как во всякой революции, всегда вначале идет интенсивная борьба за органы прессы. Консервативные круги пытаются прибрать к рукам большее количество органов печати. Надо сказать, что они встречают сильную административную поддержку. Я могу сказать, что меня очень много раз одергивали за попытки отвечать на шовинистические, в общем, совершенно антизаконные атаки, спрашиваю».

Да, у них там иной терминология нет: право, лево, центр...

«У наших консерваторов, — продолжал Коротич, — партийных, культурных, очень сильное апоналипическое мышление. В течение многих лет они были убеждены, что Россия, например, — это очень узкая группа писателей: Распутин, Астафьев, Белов, Иванов».

Вот пристегнули Иванова к нам...

«Это и есть Россия. Ощущив угрозу лично для себя, они объявляют ее угрозой России. Точно так же, как целый ряд людей в нашей стране считал, что социализм — это они и есть. Ощущив угрозу себе, они кричат, что это угроза социализму. Мы боремся за абстракцию, за свободную прессу, за большее количество демократических принципов, а эти люди борются за конкретный кусок хлеба с маслом, и их стимулы гораздо более существенны».

Я не знаю, какой у Коротича кусок хлеба, с маслом или без масла, но я могу сказать, что борюсь не за кусок хлеба с маслом!

(С места: «Василий Иванович, кусок хлеба — это не грех, Россия всегда была голодная!»)

В. БЕЛОВ:

Да, может быть, не грех, если говорить о России, но когда я говорю о себе лично... Я борюсь не за кусок хлеба с маслом.

И мне удивительным кажется то, как ведет себя секретариат правления Союза писателей РСФСР. На протяжении многих лет он идет на поводу московских писателей и Ленинградской организации. Они добились себе приема в Союз писателей. Сергей Владимирович, кто же дал им право, как не вы? С какой стати? Давайте тогда Вологодской организации дадим право приема в Союз писателей! Так вы не только такого права не даете, вы не можете в течение шести лет добиться, чтобы нам дали издательство, которое было очень выгодно и приносило доходы государству, и вокруг издательства вся культурная жизнь в Вологде группировалась.

С. МИХАЛКОВ:

Василий Иванович, я издательство лично дать не могу, а за издательство мы боремся и боромся.

В. БЕЛОВ:

Да, худо боретесь вы, что это за борьба!

Кому вы поручили доклад на пленуме? Чиновнику поручили! А почему вы сами не сделали доклад? Чиновник всегда скажет: у нас нет средств, типографий и т. д. Вот он вчера и сказал, что он против того, чтобы открывать областные издательства.

С. МИХАЛКОВ:

Василий Иванович, дорогой! Мы обращались в правительство, в Центральный Комитет партии, а теперь у писателей много депутатов в Верховном Совете. У вас сейчас больше власти, чем у нас.

В. БЕЛОВ:

Я вам сказал уже, какая у нас власть. (Аплодисменты, смех.)

И я честно признаюсь, что у меня ее нет, а вы утверждаете, что у вас есть власть, а вы не можете.

Как же так, вы приняли решение по Ленинграду. Это ведь не решение, а бог знает что. В Ленинграде неизвестно что творится, и пусть Арро не говорит, что у них там тиши да гладь да божья благодать. Там жуткая жизнь. Почему же вы молчите?

(С места: «Там кровь льется!»)

С. МИХАЛКОВ:

Что нам делать? «Содружеству» мы дали статус областной организации. А что еще можем?

В. БЕЛОВ:

Ничего больше, да? Я сказал свое мнение о секретариате и повторю его где угодно.

М. ДУДИН (ЛЕНИНГРАД):

Сейчас, когда тот самый Вавилон, который я строил вместе с вами, начинает медленно сползать в неизвестность, и скорость этого сползания увеличивается, и руководить этим сползанием, наверное, очень трудно, сейчас, когда, собственно говоря, в нашем обществе, в нашей стране идет трагический процесс духовного обновления общества, трудно уловить связи между людьми, потому что в людских душах царит неопределенность.

Далее М. Дудин рассказал о впечатлениях после посещения разрушенной Армении:

— Многие строители, которые приехали туда помочь своим братьям в их тяжелейшей беде, вынуждены уезжать обратно, потому что те материалы, которые идут по железной дороге через Баку, испорченны. Вместо цемента приходит залитый водой цемент, превратившийся в камень.

(Прерывают выступление аплодисментами, не дают говорить. Выкрики в зале: «Говорите о Ленинграде!»)

Я объяснял, к чему я говорю об Армении! Потому что там больнее, чем в Ленинграде.

(Шум в зале: «Мы это лучше вас знаем!»)

Дойду и до Ленинграда. Я хочу сказать, до чего доводят человека несознанная ненависть! И эта ненависть разжигается здесь, на нашем с вами собрании. Поймите это! Иначе сами попадете в очень страшную ситуацию. Да, русский человек — терпеливый человек! Я знаю. Я сам родился не где-нибудь, а в самой что ни на есть Центральной России — в Костромской области. В крестьянской семье. И я с детства знаю Некрасова и знаю его слова о том, что:

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказание,
Тем им милей господа.

И я говорю вот сейчас о чем — что должна быть в наших душах, душах художников, та мера великой ответственности, без которой нельзя жить на нашем

свете, особенно сейчас, когда все проблемы, связанные с человеком и природой, становятся глобальными. И эти глобальные проблемы, наверное, каждого из нас убеждают в том, что решить их может только федеральное правительство земли. И, значит, нам с вами надо искать не различия, а родства.

Все те проблемы, которые возникли в Ленинграде, — с этим новым желанием отмежеваться от других, сделать особую группу писателей, с тем, что творится в Москве с «Апрелем», — все это разединение, а не соединение, а мы можем выбраться из этого сползания книзу всего нашего Вавилона только общими усилиями.

И я вышел сюда, на эту трибуну, только и сказать вам об этом, посмотреть на себя, в зеркало посмотреть, куда ты идешь и что ты делаешь. (Аплодисменты.)

М. ГАНИНА:

Надо полагать, не я одна, получив приглашение на пленум, подумала не столько о будущем книгоиздательства России, сколько о нынешнем времени. Еще в мае этого года мы были детьми, полными эйфорических предвкушений, сейчас — переведенные увиденным, услышанным, прочитанным и додуманным, — старики, позволившие себе наконец понять, что надеяться не на кого и не на что, ибо нет на верхах всесильного, всемудрого мессии, нет даже предтечи, нет сверхчеловеков. Есть растерянные перед распахнувшимся как бы вдруг зловонным хаосом люди, малограмотные и, увы, малокультурные.

Еще не ко всем нам пришло трезвое осознание того, что спасти среди этой все-открывшейся нежити нас могут только собственная неизносимость и неприхотливость, присущая большинству русских людей. Благодаря способности смириться с неизбежностью, затянуться, выждать, чтобы — придет время — возникнуть вновь, русский человек жив, вопреки известным подробностям далекой и близкой нашей истории.

Затем М. Ганина остановилась на философии непротивления и сказала:

— Русского человека обвиняют в том, что он не погиб все-таки до единого, вооружаясь дрекольем и вилами, в кровавой битве со сталинизмом, в арсенале которого пушки, автоматы, армия, дабы про чим народам затем жилось за этот счет счастливо и вольготно.

С высоких и менее высоких трибун о русском народе произносятся суждения, мягко говоря, странные. Член Политбюро заявляет, что русский человек от природы вороват. Так, мол, исторически сложилось. Член правительства сообщает с телезкрана, что, мол, мы с вами, русские люди, генетически ленивы, не умеем работать честно и качественно, отсюда все наши общесоюзные беды.

Все эти несерьезно произнесенные слова, увы, — признак бессилия перед ситуацией, уже fatalno неуправляемой, это попытка отвести глаза, переложить ответственность за собственное неумение, за собственное метание от одной меры к другой на плечи народа. Это неново. Войны проигрывают народы, а выигрывают полководцы. И эта фраза, произнесенная под занавес, на вопрос телекомментатора, что бы вы хотели сказать, с чем обратиться к народу... Ответ был: не мешайте! Заметьте: не «давайте навалимся всем миром на беду». Не мешайте нам исполнять свой рок на ваших kostях!

Далее М. Ганина рассказала об экономических трудностях, переживаемых народом, о нехватке продовольствия и товаров первой необходимости. Затем М. Ганина сказала:

— «Мы дали мужику землю, а он не желает работать!» — возмущалась во времена оны одна, ныне умершая, знаменитая писательница. Если бы дали! Поманили. Потому и не хочет и не будет. Как бы ни хитрили, ни крутили, боязнившись потерять аппаратную, беззаботно сытую жизнь законодатели. Но им-то неплохо иметь в виду, что гражданское пассивное сопротивление в народе теперь уже проводится не инстинктивно, а сознательно. И дальше будет хуже. Народ озлоблен. Век в долгую у богатых капиталистов жить не будешь. Уж и теперь подачки аппаратчикам они кидают с брезгливой миной — скоро перестанут. Аграрный сектор, между прочим, с голоду будет умирать последним. Это надо иметь в виду. Пора обернуться лицом к народу. Пора оправдать наконец свои заверения и лозунги. Если те, кто наверху, да и мы тоже не желаем умереть с голоду не фигуально, а буквально.

Положение серьезно крайне. Жаль, что, съто живя в городах, интеллигенция этого не осознала и вместо объединения со своим народом конфликтует с ним, пытается высокомерно учить, а то и вовсе заявляет, что народ погиб, спился, рождает дебилов, деградировал. Это тоже не более чем оправдание своей бездеятельности. Народ жив и по высокому счету здоров, хотя находится в нищете и горе! (Аплодисменты.)

Надо прекратить оплакивание собственного народа, надо объединиться с ним. Он способен все понять и принять, если вы приедете к нему туда, где он живет и работает, с умным словом, с добротой, с ответным искренним желанием понять и принять то, что он вам скажет.